В ДОРОГУ, «НОВАЯ ОПЕРА»!

Перед самым закрытием сезона Московская муниципальная «Новая опера», руководимая мастером Евгением Колобовым, выступила подряд на двух фестивалях – в Мурманске и Калининграде. О том, как это было, — рассказ нашего специального корреспондента.

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Отзвучал последний спектакль «Россини», зрители все, как один, поднялись и зазвучала музыка аплодисментов. Вступили «вместе», словно по знаку невидимого дирижера, и аплодировали стройно, ровно, не нарушая заданного ритма. А на сцену уже вышли представители администрации Мурманского драматурга — «В наш свободный город на свободный театральный фестиваль приехал удивительно свободный творческий коллектив. И единственное, что можно ему пожелать,— это никогда не быть свободным от творчества» Колобову вручили картину — Мурманск, освещенный солнцем. (Господи, значит, бывает и такое, значит, эта «мерзлота» не вечна!) Впрочем, вовсе не погода, конечно, имелась в виду — «Новая опера», осветившая своим посещением эти пределы, должна была уважить «память» об оказанном ей «солнечном» приеме.

В конце концов публика сдалась — и отпустила. За кулисами в суматохе сборов — надо было торопиться на поезд, в вихре поздравлений, прощаний, поженений Колобов (лично проследивший за судьбой подаренного полотна) «подвел черту»: «В Мурманске был пик нашего успеха».

Накануне с тем же пылом, только без оттенка прощальных эмоций, принимали «Марию Стюарт» Доницетти. Днем раньше — кантату Танеева «Иоанн Дамаскин» и программу из произведений Чайковского.

А началось все с «Руслана и Людмилы». Мурманский зритель, наслышанный о «Новой опере», возвещенной пышно, с нетерпением ожидал знакомства, веря и не веря в обещанное чудо. Реакция же его была такова, что существование на свете чудес уже не могло быть подвергнуто сомнению. На открытии гастролей «Колобова» приветствовал сам Григорьян, новый главный режиссер Мурманской драмы,— человек с неизменной печалью во взгляде. Но в тот вечер в его глазах светилась особая грусть: художник прибывал под впечатлением творения другого художника. И впечатление его выразилось в словах образных и сердечных: «Вы привезли замечательный театр — оркестр, звучащий, как одна живая душа музыканта, хор, поющий, как поет живая человеческая душа, и прекрасные молодые, желающих солистов. То, что мы увидели сегодня, не скоро увидим вновь».

...А в городе Мурманске — белые ночи. Простите — затяжной полярный день, благословивший который могут лишь те, кто пережил неизменяемую «анэлектризованную» полярную ночь. «В Мурманске особенно ощущается мощь советского государственного строительства. Памятник этому высказыванию Максима Горького — оно выбито с на устаналенной вертикально унылой, не то из бетона, не то из цемента, серой плите — украшает город не больше, чем само строительство. Архитектурные сооружения, за редкими исключениями, хочется попросить посторонниться, чтобы не загораживали красоту завода и сопок. Многие дома стоят обшарпанные, облезлые, а тротуары то и дело попадают в окружение свалок. Чему же порадоваться глазам, особенно тем, что с большой частью видят только море?

А чему порадоваться душе, которой сейчас так неспокойно? Успехи, достигнутые бывшими советскими республиками в борьбе за независимость и суверенность, трудноступкость путешествий добавили беспокойства в некоторых мурманчанах (а их здесь немало) — не окажутся ли они отрезанными от своих собственных корней? Врачевателем душ всегда было искусство, но здешний набор «лекарств» неделен.

Несколько кинотеатров предлагают известно какой репертуар. Существование филармонии мало заметно. Раньше частенько наезжали гастролеры, но теперь заплутуить их становится все труднее — кусаются цены. Опера — не то что «новая», но и «старая» — в дикомнину (в обозримом прошлом — лишь один визит оперной труппы). И настоящий симфонический оркестр тоже представляется чем-то из области фантастики. (Может быть, поэтому на базе музучилища решили создать свой, любительский, в начальник управления культуры написал для него симфонию). Единственный «целебный» источник — драматические театры: неутомимый путешественник, морская душа КСФ (Краснознаменного Северного флота) и МОДТ — Мурманский областной драматический, оплот культурной жизни города, храм искусства, заполненный, как водится, наполовину, а то и на треть...

Есть такой Мурманск. Но есть и другой. Энергичный, деятельный, завязывающий все более тесные контакты со своими скандинавскими соседями, представляющий Россию в объединении «Страны Северного калоттая, куда также входят Норвегия, Финляндия и Швеция, активно участвующий в работе Совета региона Баренцева моря, организующий силами финнов и местных бизнесменов международную выставку с бросающим миру вызов названием «Мурманск Экспо-93» и торжественно отмечающий День славянской письменности и культуры с приглашением немалочисленных самодеятельных коллективов.

Что же все-таки касается искусства, то областная администрация, видимо, ощущает, что городу не хватает музыки. Потому что «держит в уме» план строительства большого, по последнему слову техники оснащенного концертного зала, выделяет 370 тысяч долларов на закупку новейшего акустического оборудования для драмтеатра и нескольких дворцов культуры и непременным условием субсидирования Второго свободного фестиваля театров ставит приглашение оперного коллектива.

Свободный фестиваль «придумала» замдиректора Мурманского областного Валентин Викторович Назаритн. Удрученный отсутствием гастрольных перспектив у собственного театра и надежды принимать в гостях другие, он вспомнил о столь распространенной ныне спасительной форме поддержания жизни искусства и, как это принято у деловых людей Мурманска, обратил свой взор на Скандинавию.

Первый фестиваль, состоявшийся в мае прошлого года, был приурочен к юбилею театра из шведского города-побратима Лулео. Получив одобрение Министерства культуры и Союза театральных деятелей, найдя спонсоров среди местных предпринимателей, администрация МОДТ «часам за телефон, обзвонила несвяты сколько театров и собрала довольно-таки солидную «команду» участников из Москвы, Санкт-Петербурга и Таллинна. Фестиваль вызвал такое оживление в городе и прошел с таким успехом, что организаторы не могли не загореться желанием повторить свой опыт. Спонсоры — рыбопромышленное предприятие «Створа и внешнеторговая фирма «СЭВиНЕЭС» — вновь оказались на высоте. А тут еще и руководство области «вступило в дело».

Ко второму фестивалю готовились даже тщательнее, чем к первому. И готовили публику. «Начали» журналистов — у вездесущей, расторопной заведующей пятчастью Любовью Прозоровой нашлем мощный творческий потенциал среди мурманским средствам массовой информации — и те развернули широкую рекламную кампанию в преддверии фестиваля. (Кстати, изобилие рекламы, буклетов, программок «Новой оперы» не раз заставило организаторов вспомнить добрым словом пресс-атташе московского театра Эллу Митину). А журналисту, который наиболее проявит себя в освещении хода праздника, посулили премию в 20 тысяч рублей. И пресса была весьма активна, хотя обещанная награда не помешала иным ее представителям покритиковать премьерный спектакль самого МОДТ.

Но сколько ни прилагай усилий, не все зависит только от тебя, тем более в таком «коллективном» деле. Неожиданно пришлось серьезно перекраивать программу. Не явились одни из двух приглашенных норвежских театров и два петербургских. Не смог приехать Псковский театр драмы имени Пушкина, весьма оригинально объяснивший причину — на дни его выступлений в Мурманске «вдруг» пришелся бенефис одной из ведущих актрис. Оказывается, такие всенародные бенефициантки встречаются нынче не только в пьесах Островского! (Впрочем, почти в тех же самых числах «след» Псковского театра обнаружился на фестивале в Костроме).

В том, что пожелает «Новая опера» — гвоздь фестивальной программы, как не справедливо заявляли по телевидению и в газетах,— Мурманск очень сильно сомневался. Подходя после спектаклей к Колобову поблагодарить его, люди так и говорили: «Мы не верили, что вы к нам приедете». А Колобов вазл и приехал. И у стен театра спрашивали «лишние билетики», в в самом театре по всем служебным помещениям искали «лишние» стулья. Колобов приехал — и уже состоялся фестиваль, и состоялся гордый девиз фестиваля — «Индивидуальность в театре».

КОЛОБОВ И К°

Гастроли — это дорога. Поезд — само собой, но и гостиничная жизнь, незнакомые улицы, ведущие к незнакомому театру, встреча с новым зрителем — тоже «дорожные» приметы. А где еще так хорошо, вслласть можно поговорить, как не в дороге?

...Накануне открытия мурманских гастролей, закончив репетицию, мастера обратились к «Новой опере»:

— Завтра — самый ответственный, самый серьезный спектакль. Люди нас очень ждали. И надо постараться не обмануть их ожидания, сыграть вот всего сердцем.

Но как бы ни старались и как бы ни сыграли, с каким бы успехом ни проходили спектакли, разговоры «после» — о недочетах и погрешностях. Разберут все по косточкам, как не снилось и самому пристрастному критику. Что же касается Колобова, то складывается впечатление, будто ему и на поклоны выходить неловко.

— Каждый спектакль — моя боль. Потому что никогда не бывает, чтобы все прозвучало идеально, как слышишь «про себя». Когда смотрю замечательный спектакль или слушаю музыку в замечательном исполнении, всегда думаю о том, сколько неразвлизованных идей должно было остаться в голове у режиссера или дирижера. Трудно с этим смириться, но идея всегда выше ее воплощения.

Это убеждение, естественно, не мешает художественному руководству «Новой оперы» взнашивать новые идеи. Перед премьерой следующего сезона будет спектакль с интригующим названием «Мавр-то-театр» и не менее интригующим содержанием — он объединит «Мавра», «Историю солдата» Стравинского и пушкинскую «Сцену из «Фауста». Вся канва обсуждается замысел спектакля «О Моцарт, Моцарт» по опере «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова. Колобов не намерен обойтись в партитурой, как с музейной святыней. В музыкальную ткань спектакля, к примеру, войдут куски «Реквиема» (Моцарт уйдет, чтобы узнать, какая музыка звучит в небесах. А звучать будет Lacrimosa). Снова нам ждать сюрпризов — эксперимент продолжается!

Главный режиссер Станислав Митин удивлен: какие основания предполагать, что может быть иначе?

— Не то мы и называемся «Новая опера». Мой приход сюда, драматического режиссера,— тоже своего рода эксперимент. В опере ты не такая желанная птица, как в драме, потому что в опере главное — опера. Ей не надо «нравиться». Но необходимость быть сыгранным как раз и заставляет работать фантазию, искать какие-то специальные приемы. А подсказкой их сама музыка — лишь бы ты «чувствовал» дирижера. Был с ним согласен...

Дирижер с многолетним стажем «экспериментирования» знает цену экспериментам:

— Всегда достается по первое число. Говорят: Чайковский или Глинка не хотели. А кто знает, как они хотели? Засыпали их нафталином и держали в стеклом. А для меня они — живые. Любимые. Но и «трешным» — не все ведь у них выдающиеся вещи. Кто знает, они-то как раз бы мы и сделали сборники.

Музыка лишь тогда живая, когда ты в ней свободен, когда знаешь, что можешь сделать так, можешь — иначе. Если мы что-то предлагаем, то так и получается: «Руслан и Людмила» Глинки, а фантазия по опере Глинки.

Общественное мнение, конечно, не очень легко сбывается с подобными смелыми взглядами. Но вот такой сдержанный и рассудительный человек, как Геннадий Шохман, директор оперы, аполиченьеет (и музыкальный критик!), их вполне разделяет:

— Мало кто из дирижеров, даже очень хороших, переосмысливает партитуру, предлагает свое, новое. Колобов предлагает всегда. И всегда — меня, во всяком случае,— убеждает. У него все продумано. Возьмите его партитуру «Руслана» — «цвов» не найдете. Абсолютно нравственный человек в жизни, он очень расчетлив в музыке. Но эта расчетливость, что тоже редкость, сочетается в его интерпретациях с потрясающей интуицией и «чутким слухом». Потому-то мы и ушли до ... когда разгорелся конфликт в Театре Станиславского и Немировича-Данченко. Уйти за ним значило уйти за Музыкой...

Маэстро разводит руками:

— Многие по 20—30 лет там проработали. Я уговаривал остаться — никого ведь не знал, как все сложится. Уходили-то в неизвестность...

Приходили оркестранты на репетицию минут за 30—40 до начала. Смотрели, как репетирует режиссер с певцами, ждали своего «выхода». То есть, «кажется, просто не могли дождаться! А еще говорят, что у Колобова тяжелый характер

— Бывает, что злюсь на репетициях, выговариваю (если справедливо — несправедливо всегда потом извиняюсь), но заставлять что-то делать не могу. Это землю пять можно заставить. А мы все же другими занимаемся. Тут любовь должна быть.

Моя репутация неуживчивого человека не отсюда идет. Просто, видимо, на чаадаевский вопрос «Кому нужна наша дерзкая дела, чтобы делать дерзко?» отвечал не так, как «следовало».

Действительно, «необщепринятое» отвечал. И совершал неожиданные поступки. Хотелось снять директора Свердловского театра, замечательного дирижера, но мастера «пригрозили» обкому: «Тогда нас всех здесь не будете. Уйдем из Кировского, потому что надоело все время «долбить» одно и то же, в тут как раз вышло решение его главным назначить. Так не согласился; почему у него не спросили. Ну уж и совсем своенравным показался он в Театре Станиславского и Немировича-Данченко. Заснили, например, в театр «высокие люди», продвигали желательные им кандидатуры на какие-то партии, и вдруг — отказ.

— За всю-то жизнь как следует нервы потрепали. Постоянно идеи были что-нибудь доказывать, пробивать, отбиваться. Теперь свобода — делай, что хочешь. Но наполнилась усталость. Вот и думаешь иной раз: а не поселиться ли в маленьком тихом городке, книжки читать, сирень разводить, тишину слушать? Как писал Мандельштам — «Нет выше музыки, чем тишина». Не нельзя людей подвести — они мне поверили.

Замечательное время было в Свердловске. Да, тяжело приходилось, но мы были молоды. Мы с Наташей не вылезали из театра. Все что-то придумывали, спорили, ругались. Театр и был нашей семьей.

Судя по всему, ничего не изменилось: они так живут и сейчас. Видимо, мастера Колобова и Потерей корифейстер Наталья Поповин являют собой пример тех редких супругов, что смотрят не друг на друга, а в одну сторону (пусть иногда и по-разному).

Мурменск принимал хор «Новой оперы» с не меньшим энтузиазмом, чем его обычно принимают в Москве. Но кормлейсеры Поповин и Сергей Лысенко не раз досадовали на своих подопечных:

— Просто, как дети. Надо повторить, повторять, повторять... А какой результат будет — еще неизвестно. С хором у всех всегда проблемы. Но вдобавок солиститы перемешивают хористов друг у друга. Ведь новички-то порой и нот не знают.

Колобов мрачно замечает, что с солистами тоже хлопот немало. У них «случаются капризы. Но в «Новой опере» такой порядок заведен: не устраивает вас что-то — пожалуйста, вы свободны. Однако заканчивает все же на оптимистической ноте:

— Зато есть Елена Зиленская, наша королева Елизавета. Прекрасная певица не нужна. Замечательный человек. И многие другие. Молодые ребята — Тигран Мартиросян, студент Гнесинского института, Паша Данилин, дублет Гремина мынешнего Казанского конкурса, артист Нижегородской оперы. Мы приглашаем их выступать в своих спектаклях. Может быть, мы недолгает еще опыта, но они полны желания его приобрести. Очень, конечно, выручает то, что мы живем дружно. Все-таки как-то не принято совсем уж распускаться.

Дружелюбие «Новой оперы» в полной мере ощутил на себе дирижер Евгений Самойлов. Он здесь недавно, но как будто уже стал своим человеком. На гастролях он дирижировал кантатой Танеева и «Россиния». С какой искренней радостью все слушали поздравить его. Да и вообще «Новая опера» считает, что Евгений — самое «дирижерское» имя.

Добравшись до Петербурга, перешли на калининградский поезд. Едем. Грядет проверка документов на латвийской границе. У двух артистов нет с собой паспортов. Что делать? С этим вопросом — к директору. Сколько вопросов — финансовых, организационных и даже бытовых пришлось решать за время гастролей директору «Новой оперы» Дмитрию Родионову. И что бы ни случилось, он подчеркнуто невозмутим. Но приспросить повнимательнее — и увидишь, как вдруг дрогнут уголки губ, и поймешь, что даже добровольно взятое на себя бремя невозмутимости и хладнокровия — все-таки тяжкое бремя... Не покидают его мысли и о тех заботах, что оставлены дома. Где взять опытных, знающих толк в своем деле администраторов? Замдиректора по строительству, который следил бы за ходом реконструкции выделенного «Новой опере» «арматинского» Зеркального театра? И деньги, разумеется, деньги...

— Спасибо мэру и нашему спонсору — Российскому национальному коммерческому банку. Все-таки они очень нас поддерживают.

По возвращении директора ждало два сюрприза: спонсор выделил 20 миллионов рублей на приобретение артистам квартир, а плата за дни аренды за гастроли на Таганке выросла с сорока тысяч рублей до двухсот...

...Конечно, Колобов не всегда говорит о своем желании превратиться в отшельника. (Или по крайней мере — «пятиоперную» аскезы). Иначе вряд ли был он сейчас, спустя четырех лет с гассетой — по слуху! — записывать партитуру «Марии Стюарт», не просил бы переслать из Италии клавиры других совсем уж неизвестных опер и не размышлял бы о своем Моцарте. Но что касается «Нет выше музыки, чем тишина», то эта боль высказана судьбой. В тишине отчетливее слышна та музыка, которая звучит «внутри»... Дать ей выход, дерзнуть нарушить тишину— вечная мука художника, обреченного знать, что идея — выше ее воплощения.

В Мурманске я впервые услышала исполнявшую «Новой оперой» программу из произведений Чайковского: романсы в обрамлении «Осенней песни». Свободное переложение для оркестра Евгения Колобова. Ассоциации, которые возникают у меня, когда я слушу «Осеннюю песню», не постоянны и настолько зрелищны (в переложении Колобова сделано их еще три), что мне кажется, у других видят и чувствуют то же, что и я.

Я вижу дом в осеннем саду. Начинает накрапывать дождь. По оконному стеклу медленно стекают струи. Листва деревьев задерживает падение воды. И вдруг — порыв ветра разметает ветки, и дождь набирает силу. А потом все стихает вновь. Еще в вижу человека, прильнувшего к окну, слушающего музыку дождя. Кто это?

А что если — Колобов? Ищет себя в уединении? Дом — где-то здесь поблизости, и сирень, наверное, есть — а не дирижирует. Но представить такое оказалось невозможно. Откуда же тогда возьмется этот дом, кто омоет дождем его окно и раскачает ветром ветки? Нет, маэстро! ваше место — за пультом. Не оставайтесь в стороне, маэстро...

«ПОД ЗАНАВЕС»

Далеко от Москвы люди ждут встречи с вами, мастера культуры. Разлетились традиционные маскоманы подарожания культурных связей. Но открылись новые возможности. Вы не продаете, если воспользуетесь ими — такая ваша обрушитесь ливень, что, может статься, для своего успеха отметите на карте родной страны. Благодарность предоставлена вам самим спасибо уже за то, что — приехали. Но и незаметно наделенная публика умеет реагировать настоящее искусство — аплодисменты аплодисментам всегда рознь...

В Калининграде публика взыскательная. В Калининграде богатые культурные традиции, этот город много видел — его не обходили стороной и самые популярные артисты. Прекрасно работает филармония. (Пустые кресла на концертах, говорят, — большая редкость). Нынешнее «Лаврское ожерелье» — этот фестиваль она проводила уже в тринадцатый раз — было собрано каменьев и камешку, и каждый светился. Но главным украшением программы организаторы все же мыслили «Новую оперу».

Так уж получилось, что я практически только проводила театр до Калининграда, выступлений его не видела. Но не было потом необходимости расспрашивать «колобовцев», как прошли гастроли: успех читался на их радостных лицах. И были «предъявлены» веские доказательства этого успеха — интересные творческие предложения, сделанные руководством Калининградской филармонии. Как что дорога еще приведет их в этот город.

Дорога Колобова — от спектакля к спектаклю, на театра к театру, — представляется дорогой к самому себе, к своему завтра. «Новая опера» — его театр. Здесь царствует его индивидуальность. Но она обладает многим другим, без которых тоже не было бы этого театра.

Очень точное, замечательное определение Фаликса Григорьяна — «жаворонцы» — подходит не только к певцам. Здесь все, увлеченны, все обнаружили стремление и предумышленно творить, сделать как можно лучше. Вспомнилось, что в последнем выступлении в Мурманске, как будто им выходить на сцену «Конвертгардена». (Конечно, так и должно быть. Но то, как должно быть, нередко, ведь отличается от того, как бывает на самом деле). И потому так часто недовольны собой, и всегда как будто немножко удивлены своим успехом.

«Новой опере, безусловно, очень помог печально знаменитый конфликт в Театре Станиславского и Немировича-Данченко. Во-первых, не будь его, и ее бы не было. Во-вторых он сплотил людей, что пошли за Колобовым. Они барахтуются и любезно относятся друг к другу, хоть и говорят, что бесконечно спорят. Но спорить-то и что спорить, как дорога к взаимопонимению. А тут сама в лексиконе «Новой оперы» — главное.

Нет ничего сильнее союза любви и взаимопонимания — это та сила, которая только и может вернуть театр. Но нет ничего более хрупкого, чем «новая опера» предстоит выдержать жаркие испытания — длительной бездомностью, кочевой жизнью, потом, когда наконец завершится реконструкция ее здания,— жизнью оседлой. Единственное, что может помочь — сохранить свой прекрасный союз. Сохранив она никогда не будет свободной от творчества. А мы, зрители, встретя в нем свои пути-дороги. Мы — москвичи — мурманчане — калининградцы — вместе с театром «Новая опера» — с Мастером, с Колобовым, с Поповиной, с Григорьяном, с Самойловым, с Зиленской, с Мартиросяном, с Данилиным, с Ивановым, с Ивановой, с Ивановым, с Ивановой, с Ивановым, с Ивановой